

Глена Ланкевич

Транссексуал

Пьеса в трех действиях (четырнадцать картин)

Действующие лица

1. Януш Вилга (54 года) (польский врач)
2. Юный Януш (14 лет)
3. Мама Януша, пани Барбара
4. Папа Януша, пан Влодек
5. Доктор Айзенберг

6. Нарядная дама
7. Красавец-офицер

7. Марыля Василевска (31 год)
8. Рихард Вингерт (27 лет) немецкий офицер
9. Ружена (25 лет)
10. Богуслав (19 лет)
11. Курт (немецкий офицер, друг Рихарда)

12. Украинский мальчик.
13. Еврейский юноша

14. Старушка в изысканной шляпке и лайковых перчатках.
15. Девушка Каролина.

16. Польские узники

17. Молодая женщина
18. Крепкий старик
19. Рослый парень

16. Немецкие солдаты

Вторая мировая война. События разворачиваются на территории оккупированной Польши.

Картина первая

1939 год. Варшава. Сентябрь. Войска фашистской Германии только что вторглись на территорию Польши.

Квартира в доме на окраине. В центре – круглый стол, покрытый бархатной скатертью с тяжелой бахромой, буфет, диван, кресло-качалка, пианино.

Порывисто входит Марья Василевска. Резко останавливается. Закрывает глаза. Замирает.

Как будто издали начинает звучать первая часть 14-й («Лунной») сонаты Бетховена.

Внезапно открывает глаза. Музыка тут же обрывается на полноте.

Марья быстро скидывает плащ, бросает на диван сумочку и суетливо подходит к буфету.

Распахивает дверцы и начинает судорожно собирать посуду на стол. На пол падает турка, ложка. Марья теряет, затем бросается на диван и плачет.

Стук в дверь.

Марья поднимает голову. Стук вновь повторяется. Она встает, поправляет платье, волосы и энергично идет открывать дверь.

В комнату входит соседка Ружена.

*Марья (сухо, с достоинством). **Что вы хотели?***

*Ружена (бегло оглядывая комнату). **Ну, во-первых, здравствуйте, пани Марья!***

Марья молчит, пристально рассматривая гостью.

*Ружена. **Вы, вообще, знаете, что случилось?***

*Марья. **А вы нет?***

*Ружена. **Я... Когда в каждой польской семье появилось по покойнику, вы заставляете весь дом слушать ваши несносные концерты! Как вам не стыдно!***

Марья пытливо смотрит.

*Ружена. **Играете немецкую музыку! Выслуживаетесь? Выслуживаетесь!***

*Марья. **Что вы, дорогая, не больше, чем вы.***

*Ружена. **Я?***

*Марья. **На вас итальянское платье, не так ли, милая Ружена? Италия – союзник Германии. Враг!***

*Ружена. **Вы не передергивайте....***

*Марья (перебивая). **Выслуживаетесь? Выслуживаетесь!***

*Ружена. **Я?!***

*Марья. **А, может быть, вы хотите таким образом присмотреть себе завидного жениха? Оккупант – чем не партия?***

*Ружена. **Да как вы смеете?..***

*Марья (наставительно). **Вы же смеете врваться в чужой дом с оскорблениями! Однако похвально, что вы знакомы с музыкой Бетховена. Хоть с этим вы знакомы.***

Ружена (дрожа). **Когда...**

Марья (перебивая). **Когда в каждой польской семье по покойнику, вы завиваете кудряшки на своей... головке!**

Ружена. **Хорошо выглядеть нужно всегда!**

Марья. **Вот и я о том же.**

Ружена. **Нет оправдания запущенности!**

Марья. **Браво.**

Ружена хотела было ответить, но лишь махнула рукой и ушла. Марья, оставшись одна, сначала какое-то время стояла на том же месте, затем села за стол, потом переместилась в кресло-качалку. Потом легла на диван.

Стук в дверь.

Марья не пошевелилась. Стук повторился. Марья закрыла руками уши. Стук стал настойчивее. Она нехотя встала и побрела открывать дверь.

Марья (удивленно). **Здравствуйте....**

Она посторонилась, и в квартиру вошел со свертками полный немолодой человек, добродушный, несколько смешной. Это пан Вилга. Его костюм дорогой, весьма приличный и аккуратный, но на хозяине сидит забавно, превращая его в шарик.

Марья (спохватившись). **Проходите, пан Вилга. М-м... Очень рада!**

Януш. **Благодарю вас.**

Он прошел и торопливо принялся выкладывать на стол содержимое свертков.

Януш. **Сыр! Колбаса! Кофе! Хлеб!**

Марья. **Зачем вы... Не... надо. (Пауза). Я не смогу заплатить за все это!**

Януш. **Что вы! Какие деньги? Я вас угощаю. Нет слаще момента в жизни человека, когда он может что-то подарить. Кому-то. Именно тогда он в полной мере ощущает себя человеком. (Улыбается). Или я не прав?**

Марья. **Теоретически – да. Но все равно я чувствую себя крайне неловко.**

Януш. **Пустяки! Уверю вас, это сущие пустяки! (Торопливо оглядывает стол). А не попить ли нам кофейку? Как вы на это смотрите, пани Марья?**

Марья. **Конечно!**

Она быстро приносит два стула.

Марья. **Присаживайтесь! Я сейчас...**

Сервирует стол: быстрыми, ловкими движениями ставит кофейные чашки, сахарницу, маленькие ложечки, салфетницу.

Януш. **Салфетки!**

Марья. Да-а-а!

Януш. Какая вы, однако, Афродита! У меня салфетки пропали как раз первого сентября. Думал, куплю потом, а вот не куплю теперь.

Марья опустошенно плюхается на стул и закрывает лицо руками.

Януш (спохватившись). Расстроил я вас... Не плачьте! Не переживайте раньше времени! Этот момент еще не настал.

Марья. И это говорите вы, умнейший человек, врач, светила, слово которого ценится на вес золота? (Пауза.) Прошло всего две недели. Две! Убили семью Гринзберг. Всех до одного. Восемь человек. Всех восьмерых! Самый маленький еще не научился ходить.

Януш. Не плачьте, пожалуйста. Я не могу слышать, когда плачут. Я ведь живу этажом выше, и когда вы начинаете стенать, так надрывно, горько, у меня прямо сердце разрывается.

Марья. Неужели слышно?

Януш (улыбаясь). Не расстраивайтесь. Слышно чуть-чуть, и то, когда все затихает. У меня слух, знаете какой? Ой-ей!

Марья начинает хлопотать, приносит турку, разливает кофе.

Януш. Запах сумасшедший!

Марья. Где вы это все сумели достать?

Януш. Я запаслив, как белка. Редко хожу по магазинам. Предпочитаю закупать впрок. И – вуаля! (Делает театральный жест.) На ужин можно звать хоть английскую королеву.

Марья. А это мысль!

Януш. Ценная!

Слышится четкий военный шаг. Ясно, что идут солдаты.

Марья (резко меняется в лице). Что теперь будет?

Она закрывает глаза. Марья и Януш замирают. Издалека начинает звучать третья часть «Лунной» сонаты Бетховена. Энергичная музыка нарастает – звучит все сильнее и сильнее, словно хочет вырваться. Марья внезапно открывает глаза. Музыка обрывается.

Януш. Я люблю, когда вы играете.

Марья (равнодушно). Хорошо, не буду больше.

Януш. Почему?

Марья (отвернувшись). Бетховена предпочитаю.

Януш (грустно). Если б вы знали, как я его люблю...

Марья удивленно поворачивается к нему.
Затемнение.

Картина вторая

Свет очерчивает другую часть сцены, перенося в иную эпоху, период детства пана Влдеги. Вот комната, где находятся юный Януш с родителями и доктором.

Доктор только что закончил осмотр Януша, который стоит чуть поодаль от взрослых и застегивает рубашку.

Пани Барбара. Что, доктор? Не томите!

Доктор посмотрел пану Влодеку в глаза и вздохнул. Пан Влодек резко отвернулся.

Доктор Айзенберг. У нас раньше был разговор с вашим мужем. Он в курсе. Он все знает.

Пани Барбара. Януш (шепотом) умрет?

Доктор отрицательно качает головой. Складывает в чемоданчик медицинские принадлежности и собирается уходить.

Пан Влодек. Януш, проводи доктора.

Януш и доктор уходят.

Пани Барбара (кидается к мужу). Что? Говори как есть, я все вынесу. Это наш сын, и ты ничего не должен скрывать. Что у Януша за опухоль? Она очень опасна? Что сказал доктор? Скажи мне как есть!

Пан Влодек медленно садится в кресло и откидывается на спинку. Молчит. Входит Януш. Пан Влодек вскакивает, улыбается.

Пан Влодек (обнимая сына). У тебя все замечательно! Будешь жить сто лет! (Достает из кармана пиджака бумажник и протягивает сыну). Вот. А теперь сходи в кондитерскую и купи пирожных! Праздники на дороге не валяются!

Януш. Спасибо, пап! (обнимает отца).

Януш уходит.

Пан Влодек подходит и обнимает жену.

Пани Барбара. Ну, что ты! (Гладит его по лицу). Я с тобой; знай, что я всегда с тобой.

Пан Влодек. Я знаю.

Пани Барбара (отстранившись). Операция нужна?

Пан Влодек отрицательно качает головой. В это время неожиданно возвращается Януш.

Януш. Не тот бумажник...

Януш понимает, что речь идет о нем и останавливается. Родители продолжают говорить, уверенные, что сын их не слышит.

Пан Влодек. Все хорошо. Наш мальчик будет жить, а это главное. Правда? Ты помнишь, как мы с тобой боялись услышать смертельный приговор? Ты помнишь? Приговора нет. Смерти нет! Слышишь?

Пани Барбара. Да-да.

Пан Влодек. У Януша растет грудь.

Пани Барбара. Да-да.

Пан Влодек. Ты не поняла. (Пауза). Как у женщины.

Пани Барбара отстраняется от него и изумленно смотрит на мужа.

Пан Влодек (быстро). У него есть признаки женщины. Я не врач, я музыкант, поэтому... мне трудно грамотно прокомментировать сложившуюся ситуацию. Но (собирается духом) такие случаи встречались в природе. (Вскидывает голову). И встречаются! (с жаром) Это не патология! Наш сын не может быть ошибкой природы. Ты ведь понимаешь? Просто...так случается иногда. (Берет ладонями лицо жены). Мы с тобой нормальные. Нет никаких отклонений. И у Януша нет. Нет! Он не больной. Ты слышишь меня? Януш не болен!

Пани Барбара. Я понимаю. Он просто (улыбается сквозь слезы) не такой, как все. И только!

Пан Влодек. Да, да, дорогая! И мы любим его не меньше...

Пани Барбара (плача). Конечно.

Пан Влодек. Но ему придется трудно, очень трудно. (С жаром.) А кому в этой жизни легко? Помнишь дядю Казимира? Уж на что благополучный тип, а сломался из-за несчастной любви. (Тихо.) Вот так вот взял – и застрелился! (Пауза.) Мы должны помочь нашему сыну! Доктор сказал, что признаки... как это... женщины у него начали проявляться в период полового созревания; так обычно в подобных случаях и бывает. Потом Януш подрастет еще и еще. (Трясет головой.) Он будет чувствовать постоянную раздвоенность: мужчина и женщина в одном лице! Но это случится постепенно, и для него такое состояние станет обычным. (Вздыхает). Так доктор сказал.

Пани Барбара. Мы поможем ему... Господи, ну почему это случилось с нашим сыном!!!

Пан Влодек (обнимает жену). Он жив. А это главное.

Пани Барбара. А дети? У него могут быть дети? (Испуганно.) А внуки? (Шепотом.) Будущее? (Плачет.) Наш бедный сын...

Пан Влодек (улыбаясь). Наш счастливый сын! (Гладит жену по голове.) Я сделаю его счастливым. Я буду играть ему каждый день «Аппассионату» Бетховена. А еще – «Патетическую»! И «Лунную»! Мятая музыка. Закаляет, как холодный душ. Наш мальчик будет сильным.

Пани Барбара. Он и сейчас сильный!

Пан Влодек. Самое страшное – не суметь противостоять толпе. И стать толпой! Не покоряться! Надо. Оставаться. Самим собой. В самых. Трудных. Условиях. (Тихо.) Люди жестоки. К этому нужно быть готовым всегда. (Весело.) Все получится! Ведь у каждого своя судьба – жизнь, которую каждый должен прожить по-своему. (Быстро и уверенно.) Надо мысленно ощущать внутри себя стальной стержень. Ставить психологическую защиту. Каждая трудная ситуация – это просто проверка. Не терять себя ни при каких

обстоятельствах! Знать, что любая гроза имеет начало, а значит, и конец. (Он оглянулся на Януша и улыбнулся.) Ты сильный, мой любимый человек!

Звучит последняя музыкальная фраза третьей части «Лунной сонаты». Затемнение.

Картина третья

Свет вновь освещает квартиру Марыли. Она смотрит на Януша, затем застенчиво опускает глаза.

Януш. Мой отец был концертирующим пианистом.

Марыля (с восхищением). **Что вы говорите!**

Януш. Да-да! Я так горжусь им. Его хвалил сам Лист! (Смеется.) Шутка у нас такая ходила. Порой, когда папа заканчивал упражняться и спускался завтракать, мама произносила вслух: «Тебя похвалил Лист!» Лучший комплимент, без всяких «божественно». (Ставит в сторону чашку и целиком переключается на свой рассказ.) У меня была такая веселая мама, вы даже себе не представляете! Сожалеть и грустить она считала признаком дурного тона.

Марыля. Ну, а сострадание как же?

Януш. Слушайте. (Чрезвычайно оживился.) Не строить сочувствующую мину, а реально помогать. Дельным предложением и внутренней сдержанностью, которая помогает не распускаться. Нитье? Ни-ког-да. Я никогда не видел ее отчаявшейся! Потому что... Хм! Каждая трудная ситуация – это просто проверка. На прочность м-м... Как бы это сказать? Прочность... нравственных... (быстро находит нужные слова) внутренних резервов человека. И веру!

Марыля (задумчиво). **Веру во что?**

Януш (улыбнулся). **А как вы думаете?** (Пауза.) Папа, знаете, позволял себе горевать. Это мама научила его смотреть на мир иначе. Да-да! А ведь он был умнее и сильнее ее. Вот какие в жизни бывают парадоксы.

Марыля расслабилась и по-домашнему развалилась на стуле, облокотившись рукой на стол.

Януш (встает). **Благодарю. Засиделся. Мне пора.**

Марыля (поспешно). **А братья и сестры у вас есть? Откуда вы родом? Я знаю, что в Варшаве вы относительно недавно. Как вы решили стать врачом?**

Януш развел руками.

Марыля. **Вы, наверное, тоже на фортепиано играть умеете?**

Януш (замахал руками). **Нет-нет! Что вы!** (Зашелся хохотом.) **Музыка, скажу я вам, адская наука.**

Марыля (игриво). **Ну уж? Я, конечно, по большому счету простой аккомпаниатор. Рядовая учительница. Не звезда! Но наш дом мучаю виртуозными пьесами добросовестно. Играю, конечно, как могу.**

Януш. **Хорошо играете.**

Марья. Ничего, терпят пока.

Януш. Меня учили музыке. Мама, в основном. Но я сопротивлялся, как мог! Мы жили в...
(Споткнулся, поднял голову и замолчал).

Марья и Януш сидят за столом. Молчат. Марья внимательно разглядывает собеседника. Тот смотрит в зал.

Из динамиков звучит голос Януша.

– Мы жили в Кракове. Там родился я и мои родители. Но с некоторых пор приходится скрывать столь невинный факт.

Моя мама была единственным ребенком в семье, где не одно поколение посвящало себя скромной учительской миссии. Поэтому нет ничего удивительного в том, что этой участи не избежала и она.

Мама работала гувернанткой у одних очень состоятельных людей, когда познакомилась с отцом, тогда еще только подающим надежды пианистом.

Папа происходил из хотя и разношерстной, но достаточно обеспеченной семьи, где водились и врачи, и портные, и торговцы. Папа внес свою лепту в эту сумятицу, водрузив в священное пространство родных пенатов целых два рояля!

У папы было два брата, но они в раннем возрасте умерли от тифа.

Словом, когда родители произвели на свет меня, то я буквально стал мишенью для бабушек и дедушек!

Они пророчили мне участь какой-то блестящей, неземной карьеры и сумасшедшей любви. Ведь, казалось, для меня в этом мире все двери распахнуты и все ковры расстелены. Никто и предположить не мог, что мне придется скрываться, прятаться и хитрить, несмотря на то, что я не преступник.

Тишину нарушает звон падающей чайной ложечки. Марья случайно роняет ее на пол. Извиняется, поднимает.

Януш (словно очнувшись). Мы жили ... хорошо. Дружно. На Рождество ставили невероятных размеров елку! Наряжали ее... Разноцветные пряники-игрушки пекла бабушка, папина мама. По собственному рецепту! Пряники были тяжелые, громоздкие. И часто бухали вниз! (Смеется.) Бабушка заставляла няньку их подбирать. Облупившиеся реставрировала разноцветной карамелью и упрямо приказывала водрузить каждого на прежнее место. (Усмехается и вздыхает.) А после праздника бабушка несла пряники в приют и раздавала сиротам.

Марья. Счастливое у вас было детство.

Януш. Не жалуюсь!

Марья. Только уставали, наверное, от постоянной опеки.

Януш. Нет. Бабушки и дедушки поумирали, едва возраст поставил меня перед фактом: «Твой номер – тринадцать!» (Улыбается.) Ушли они в мир иной друг за дружкой. Как-то быстро и как-то сразу.

Марья. Вы так легко произносите, словно и не жаль их.

Януш (помолчав). Мама страдала, но не убивалась. Позднее она объяснила мне: «Просить небеса, чтобы им продлили жизнь? Зачем? Я неистово молилась за моих стареньких родителей вначале; мне казалось, что, если их не станет, я умру. А потом поймала себя на мысли: я ведь не для них, я для себя прошу! Они все сделали, заслужили покой – другой этап... жизни. А я не хочу их отпускать из-за собственного эгоизма».

*Януш повернулся лицом к залу и замер.
Голос Януша из динамиков.*

– Наверное, мама права. Но, когда парализовало отца, меня уже не было рядом, я находился далеко. Узнав о случившемся, молился. Чтобы папа жил! Эгоистично молился. Каждый день. Каждый... Мама слегла почти сразу же после папиных похорон. Она запрещала мне навещать ее, потому что мое появление в доме было очень опасным для меня. Страшно сердилась и даже грязно ругалась, когда я, нарушив запрет, приходил к ней. Она боялась за меня. Но я все равно приходил! Доставлял дополнительные волнения. Я не мог жить без нее... А на похороны не пришел. Испугался! Мне было чего бояться. Животный страх пересилил мучительную привязанность. Знаю, мама одобрила мой неприход. Но я до сих пор казнию себя за малодушие, пусть и разумное. И не прощу себе этого до конца своих дней.

Януш шумно вздыхает.

Януш (оживленно). А кто вас, милая пани Марыля, учил играть?

Марыля (встрепенувшись). Меня? Ой! *(Хохотнула.)* Я ведь в деревне родилась. Разочарованы?

Януш (мягко улыбнувшись). Нет.

Марыля. нас было пятеро девчонок. Одна за другой. Я младшая. *(Ставит в сторону чашку.)* Я ведь все-все умею! Платье вот это сама сшила. Ружена испепелила глазами: откуда взяла такое? Я подчеркнуто молчу. Хожу во дворе вот так: дамы и господа, я только что из Парижа; ах, как надоели мне французские духи, шелковые чулки – скучно; о, я мечтаю о простом хлебе с луком – это так романтично; а на поклонников смотреть не могу – надоели; ах, оставьте меня в покое! *(Ребячески вскидывает голову.)* Я и траву косить могу, и со скотиной управляться! Корова Марта у нас была – о, какая! Бык нашу Марту больше всех любил из стада, все за ней гонялся, чем мы с сестрами страшно гордились. Как-то стала ее доить: пр-пр, пр-пр, а она хвостом по лицу меня – хрясь! И еще, и еще! Ох, как взывала я тогда-а. Старшая сестра Анна пришла и давай учить: ты ее лаской, хлебом ее, сахаром, а ты как думала – никто за тебя твою работу не сделает, надо. Ой! Тонну всякой всячины скормила я этой Марте...

Януш. Полюбила она вас?

Марыля. Еще бы! С луга тащится домой, бредет, еле ноги передвигает, но как меня увидит – что куда девается – несется, скачет ко мне, как заправский жеребец! *(Вздыхнула.)* Только все одно хвостом хряськала.

Януш и Марыля смеются.

Марыля. Недалеко от нашей деревни было море. Там отдыхали разные важные господа. Мы туда ездили молоко продавать и шали вязаные. Мама у нас – искусная вязальщица. Приедем, папа мерина Паньку привяжет, на возу товар расстелет, рядом крынки с молоком поставит, сам останется, а нас отсылает к морю: поиграть, искупаться, если погода теплая. Я ведь пловчиха отменная! Вот приехали в очередной раз и я увидела...

*Марыля смотрит в зал и замирает.
Затемнение.*

Картина четвертая

Звучит фрагмент фортепианной пьесы Бетховена «Ярость по поводу утерянного гроша».

Свет очерчивает небольшой островок сцены, на котором появляется нарядная дама в изящной шляпе, в руках у нее зонтик от солнца.

К ней подходит бравый красавец-офицер. Они безудержно флиртуют. Дама берет со скамейки ноты и картинно разбрасывает их вокруг по листочку. Офицер, иронично улыбаясь, подбирает. Дама протягивает руку, чтобы взять ноты, но офицер качает головой и оставляет их себе. Дама порывается уйти, офицер догоняет ее и страстно целует. Музыка стихает. Затемнение.

Картина пятая

Вновь освещены апартаменты Марыли.

Марыля. Когда я увидела красивого офицера, просто потеряла голову. А он сходил с ума по другой. Она как начнет играть на рояле пассаж за пассажем, он несется на громовые звуки, как теленок на песню дудочки.

Мизансцена замирает.

Голос Марыли из динамиков.

– И я решила во что бы то ни стало научиться играть! Сестра Аннушка, когда узнала об этом, страшно рассердилась, она терпеть не могла несбыточных планов. А потом... сама помогла мне. Нашла в городе через знакомых семью, где требуется девочка-горничная. Как удалось ей убедить наших папу с мамой отпустить меня из дома на работу, не знаю. Но удалось. Видимо, красивые платья и завидные женихи снились не только мне. Аннушка сказала мне: «Детство закончилось». Я ответила: «Ну и что». Зря я так ответила, легко, беспечно, словно ничего не значили для меня мои сестры и папа с мамой.

Я стала прислужой в состоятельной семье. Убирала комнаты – за это меня кормили и даже иногда давали несколько злотых. Выполняла все работы в огромном зимнем саду – за это хозяин распорядился, чтобы учитель музыки его детей занимался на фортепиано и со мной. А потом он сам лично вызвался учить меня. А потом...

Мизансцена вновь оживает.

Марыля. Вывернулась, смогла получить приличное музыкальное образование. Все хорошо. Но как же я обманулась! Думала, что поймала счастье за хвост. Нельзя мыслить картинками.

Януш. Почему же? Начнем с того, что мыслить можно и нужно. И по-разному! И, поверьте, это полезно. Просто не стоит бояться, если на заранее придуманной картинке начнут появляться новые краски.

Марыля. Теперь, когда мне исполнилось столько лет...

Януш (перебивает укоризненно). Ну-ну!

Марыля. Надо быть честным перед самим собой, уважаемый пан Вилга.

Януш. Можете звать меня по имени – Януш. Я не против фамильярности.

Марыля. Непривычно как-то, я уж по старинке. (Вздыхает.) Вам, мужчине, не понять, что для женщины значит возраст. Когда мне исполнилось тридцать – я хотела умереть! Недавно стукнуло тридцать один...

Она смолкает и замирает.

Голос Марыли из динамиков.

– Не почувствовала сердцем, а осознала головой, как по капле вытекает из меня то, что любят мужчины в женщине – молодость. Я хотела безумной, страстной любви. Но меня она не коснулась. И вспомнить нечего! Мне всегда было что скрывать. Оказавшись в приличном обществе, чтобы не ударить в грязь лицом, я начинала безудержно врать про великих родственников, свое избалованное детство. А когда дело доходило до серьезных отношений, приходилось их сворачивать: не рассказывать же презентабельным молодым людям про корову Марту и мерина Паньку? Закон: всегда, когда видишь бездомную ободранную кошку – передергивает от брезгливости, а к холеному животному рука тянется сама.

Пауза.

Януш. Мы часто придумываем себе трудности и страдания.

Марья. Я же говорила, вы не поймете. Кому нужна увядающая женщина?

Януш сначала приснул, затем от души захохотал.

Марья. Что вы смеетесь? Что тут смешного? Одни молчат об этом... я вот... говорю...

Януш. Тогда давайте введем ценз: столько-то лет – имеешь право жить, столько-то – расстрел.

Марья. Вы утрируете.

Януш. Отнюдь. Ваши рассуждения равносильны желанию ребенка оставаться всегда маленьким. *(Пауза.)* Мы продолжаем расти, как в детстве. Это внутренний рост. Мы также много приобретаем, как раньше. Знаю-знаю, что вы скажете: морщины и прочее. Только запомните, внешний лоск видят все и, соответственно, все тянутся к нему, а внутренний – единицы. Это избранные. Для нас. Они нас находят и любят всю жизнь.

Внезапно разговор прерывается ровным маршем сотен солдатских сапог. Звуки тяжелой поступи нарастают. Марья и Януш вздрагивают. Слышна немецкая речь. Беспорядочные выстрелы. Марья, ошеломленная, медленно поднимается из-за стола. Слышен взрыв. Затемнение.

Занавес.

Конец первого действия.

Действие второе.

1942 год.

Картина шестая.

Варшава. Переулок.

На край сцены выбегает юноша в лохмотьях. За ним несетя полная женщина – это переодетый пан Вилга. Догоняет юношу и хватается за руку.

Юноша (умоляющим шепотом). Отпусти, тетенька! Отпусти-и-и... *(Вырывается изо всех сил.)*

Януш. Правда ли, что в гетто – дизентерия?

Юноша (теряясь). Не знаю.

Януш. **Есть ли там доктор Айзенберг?**

Юноша (удивленно). **Как вы сказали? (Пауза.) А сколько ему лет? Он старый?**

Януш кивает.

Юноша. **Э, нет. Всех старых давно уже...**

Януш. **Молчи!**

Юноша. **Как ненужных...**

Януш засовывает под пальто юноши крохотный сверток.

Януш (быстро шепчет). **Вот возьми. Тут хлеб и пенициллин.**

Юноша (удивленно). **А...**

Януш. **Разберешься. А теперь беги!**

Слышен приближающийся топот.

Юноша, съездившись, убегает, без конца оглядываясь.

Появляется Марья. На ней драное пальто, стоптанные мальчуковые ботинки. Она сталкивается лицом к лицу с Янушем.

Марья (равнодушно). **Януш? (Оглядывает его безо всякого любопытства.) Что за маскарад? Ты решил поразвлечься? Иди домой. Мы все уже там. Богуслав растопил печку. Тепла хватит ненадолго. Иди скорее, погрейся.**

Внезапно появляется немецкий офицер. В шинели, черных перчатках. Военная выправка весьма украшает его. Марья и Януш застывают на месте. Немец пристально смотрит на Марью. Она не реагирует, полностью отрешившись от внешнего мира. Януш же, напротив, весь съезживается.

Марья делает попытку пройти вперед, но офицер преграждает ей путь. Они молча смотрят друг на друга.

Януш (суетливо). **Битте! Герр офицер! Я говорю по-немецки. Я... объясню. Она не дерзит! Она... не в себе! Ее дом взорвали еще в сорок первом. Год назад! Вот... в шоке.**

Офицер холодно продолжает смотреть на Марью. Та опустошенно вздыхает.

Януш (подхватывает). **В другом полуразрушенном доме, что напротив, где более-менее можно существовать, мы все приболудились. Живем мало-помалу. (Теряется). Хорошо живем! Не жалуемся, не-е-ет! Нас много, а, значит... Веселее! Пианино Марылино перетасили. А что? Уцелело! Не пропадать же добру! Играем на нем, чтоб не скучно было. (Пауза.) Не всегда играем. Иногда вовсе не играем. Чего зря играть? Сидим. Смотрим на него.**

Офицер делает легкий взмах рукой.

Януш (скороговоркой). **Немецкая музыка потрясает до глубины души!**

Офицер уставился взглядом на Януша.

Офицер (Янушу). **Фрейлен говорит по-немецки?**

Януш (подобострастно). Да-да-да! Она образованная! Умная!

Офицер. Это она играла недавно?

Януш *сникает.*

Марьяля (равнодушно). Да. Бетховен. Я задумала разучить все двадцать восемь фортепианных сонат Бетховена. И, если меня не убьют, я это сделаю.

Внезапно появляется другой немецкий офицер.

Другой офицер, Курт. Рихард! Быстрее!

Немцы удаляются. Марьяля падает в обморок. Януш с трудом подхватывает ее и уносит.

Картина седьмая.

Открывается занавес.

Маленькое жилище в полуразрушенном доме. Из обломков мебели сооружены стол, лавка, кровать из досок. Из всех вещей самым роскошным является пианино.

Молодой человек Богуслав и девушка Ружена возятся возле печки.

В дом буквально вползает, таща на себе Марылю, Януш.

Ружена. Господи! Она не ранена?

Януш. Нет.

Богуслав (изумленно оглядывая Януша). Пан Вилга...

Януш (твердо). Конспирация! (Властно.) Вы бы помогли, молодой человек.

Богуслав помогает положить Марылю на кровать из досок. Ружена кидается к ней с консервной банкой.

Ружена. Вода!

Марьяля не может пить. Януш, в движениях которого чувствуется опытный врач, разжимает ей рот ложкой и осторожно вливает воду. Марьяля делает глоток, затем начинает кашлять.

Януш (жестко). Никаких хождений. Постельный режим. За печкой следит...

Ружена показывает на себя.

Януш. Ружена. Богуслав может отдохнуть. Вода? Есть. Еда?

Ружена разводит руками. Януш хмыкает.

Януш. Завтра постараюсь купить что-нибудь.

Богуслав. Купить? На что? Пан Вилга!

Януш. Купить, купить, молодой человек. А теперь мне необходимо переодеться. Будьте добры, господа, отвернитесь. Хотя... (Гордо вскидывает голову). Не смею вас утруждать. Я переоденусь вон за той ширмой. (Бормоча.) Какой я молодец, что соорудил ее.

Уходит переодеваться.

Богуслав (Ружене). Первый раз вижу его таким. Забавный он в юбке. Где только раздобыл?

Ружена. Сейчас каждой тряпке рады. Что юбка? Театральные реквизиты некоторые надевают на себя, и – ничего. Я с некоторых пор совсем разучилась чему-либо удивляться.

Богуслав. Я это заметил.

Ружена. Очень хорошо.

Богуслав. Да?

Ружена. Да!

Марья поднимает голову и бесцветным взглядом смотрит на соседей.

Богуслав. А еще...

Марья (тихо перебивает). Какой лучший способ избежать ссоры?

Ружена (горячо). Он просто невыносим! Марья, дорогая, он постоянно издевается надо мной! Цепляется к каждому слову. Сегодня? Это еще что! Вчера, когда вы с Янушем ушли, он отказался подметать пол, когда я...

Богуслав. Я?

Марья. Что, сложный вопрос? Повторить?

Ружена. Он послал мне воздушный поцелуй. Вот так! *(Изображает.)* А потом показал язык!

Марья. Лучший способ избежать ссоры...

Богуслав. Уклониться от нее!

Марья. Вообще, не ссориться. Худой мир лучше любой войны. Надеюсь, в этом вы сумели убедиться?

Ружена (яростно). Ах, вот как ты заговорила! Поучаешь? Напоминаешь? А тебя-то горе коснулось, чтобы ты смела наступать своей ногой в драном чулке на мою боль? Коснулось по-настоящему? Где твои родственники? Что-то я их никогда не видела! На твоих глазах когда-нибудь...

Богуслав. Не надо!

Ружена. Братишку... *(Вскакивает.)* «Надеюсь в этом вы сумели убедиться?» Ах-ах-ах. *(Хохочет.)* Сумели! *(Поворачивается к Богуславу.)* Нецелованный, ты сумел? Тебе ведь больше всех досталось!

Из-за ширмы появляется Януш. В красивом платье, дамских туфлях, с шалью на плечах, он очарователен. Обитатели жилища ошеломлены.

Януш томно подергивает плечами и начинает напевать незатейливую мелодию. Затем принимается шутовски перебирать ногами. Это вызывает всеобщий смех.

Богуслав хохочет просто до изнеможения.

Марья (улыбаясь). Ну и ну!

Януш. Ого-го!

Ружена (серьезно). Где же вы все-таки достаете такие... красивые вещи?

Януш. Валялись на развалинах Вселенной.

Ружена. Все шутите. А я серьезно спрашиваю.

Януш. И я серьезно.

Богуслав (гордо). Пан Вилга никогда не врет! Я сам видел, как он что-то искал на обломках нашего дома. *(Улыбается.)* И нашел!

Ружена (растерянно бормочет). А мне так не везет.

Януш присаживается к самодельному столику и деловито наливает в банку кипятку.

Ружена. Платье ничего. Можно выменять на стакан пшена.

Марья. Даже на стакан муки! Помните мое любимое вишневое платье? И без стекляруса, и ношеное прилично, а потянуло на четверть краюхи хлеба!

Януш (повернувшись к Марье). Офицер-то видел меня в платье. *(Качает головой.)* Запомнил, наверное.

Ружена (тревожно). Какой офицер?

Януш. Немецкий. *(С наслаждением пьет кипяток.)* Припрется еще сюда, не увидит на мне платья – и сделает мне «капут». *(Смачно отхлебывает.)* Придется так ходить.

Богуслав. Ой!

Януш. Ничего не поделаешь!

Ружена. Главное, чтобы знакомые вас... другие... не сдали.

Богуслав (встрепенувшись). А они не узнают вас, пан Вилга! Правда. Если б я сам лично не знал, что вы – мужчина, никогда бы не подумал... Ой! *(Весело машет рукой.)* Оно и к лучшему!

Марья (задумчиво). Действительно.

Ружена. Наверное.

Януш (беря банку с оттопыренным мизинцем, произносит тост намеренно басом). Так выпьем, друзья, за пани Янину!

Ружена, Богуслав, Марья подходят к столу, наливают в другие банки кипятку и, поддерживая игру, торжественно поднимают их вверх.

Богуслав. За новорожденную!

Марья. Рождение? Это хороший знак.

Ружена (повернувшись к Янушу). М-м, какая фортуна завелась в нашем замке!

Януш. Я таю от комплиментов!

Ружена (целует его в щеку). Это не комплимент.

Все торжественно пьют воду.

Януш. Спасибо. Я счастлив. И мне не стыдно об этом говорить.

Затемнение.

Картина восьмая.

Свет очерчивает пустой край сцены. Слышен свист, улюлюканье, грязные ругательства. На сцену выбегает юный Януш в растерзанной дамской одежде, весь окровавленный. Он страшно напуган. Падает на колени и в изнеможении подползает к краю сцены. Постоянно истерично оглядывается. Никого не видит, но слышит голоса.

Первый голос. Это ужас! Позор!

Второй голос. А вы видели его голым? Это не человек. Ему не место среди нормальных людей.

Первый голос. А вдруг он сможет дать потомство и наплодить таких же ублюдков? Этого нельзя допустить.

Второй голос. Нельзя! Ни в коем случае.

Третий голос. От аномалий необходимо избавляться. Уничтожать. Только так.

Второй голос. Только так мы сможем оздоровить человечество.

Первый голос. Это лучше и для него. Больно смотреть, как он страдает от насмешек и издевательств. Ведь сам он никогда не сможет стать полноценным человеком. Это же ни то, ни се!

Третий голос. Уродов следует ликвидировать сразу же при обнаружении их уродства.

Первый голос. Но если родители будет против?

Третий голос. Если спрашивать каждого, что кому хочется, то это приведет к неразберихе. Есть общее правило для всех. И для блага всех его необходимо соблюдать.

Второй голос. И руководствоваться здравым смыслом, а не эмоциями.

Первый голос. Правильно!

Юный Януш стоит на коленях и отчаянно рыдает. Слышен дикий хохот и визг. Януш рыдает еще сильнее. Затем ложится на пол и бьется о него головой.

Первый голос. Дегенерат.

Второй голос. Не дает спокойно жить нормальным.

Третий голос. Удивляюсь, что он все еще среди нас и наших детей? Все-таки мы слабовольны и бесхарактерны.

Второй голос. Если он родился таким, значит, в его роду что-то не в порядке.

Третий голос. Конечно! Изолировать следует их всех!

Второй голос. Правильно. Во имя человечества.

Юный Януш встает на колени, смотрит в зал и замирает. Тянется томительная тишина. Голос взрослого Януша из динамиков.

– Так я стал изгоем. А потом произошло вот что.

Юный Януш меняется во взгляде и медленно поднимается с колен. Затемнение.

Картина девятая.

Свет освещает то же убогое жилище. Богуслав, Ружена, Марья сидят за столом. Януш стоит чуть в стороне, подбоченясь, как профессиональная актриса.

Януш. Жизнь – такая интересная штука! Уж это я точно знаю. Где меня только не носило! Париж лежал у моих ног.

Марья (смеясь). Так уж и лежал?

Януш. Валялся! Канючил: «Многоуважаемый, распрекрасный пан, не покидайте мои просторы! Моим парижатам будет скучно без вас! А мне самому – противно. Без вас существовать на свете – невозможно!»

Ружена. А вы?

Януш. Лондон, говорю, ждет. Но и он подождет. Поэтому подумал я на досуге и махнул во Львов. Дай, думаю, поучусь немного. И поучился! Закончил университет. Медицинский факультет. Как видите, врачую. Руку отпилить никому не нужно? А то я мигом. Долго ли, умеючи? (*Игриво сбрасывает на лавку шаль*). В университете у нас был презабавный профессор – маленький, пузатый. Прямо как я сейчас! Но это все пустяки. Уши! У него были невероятных размеров уши, за что мы прозвали его Ушастой совой. Любя, конечно, прозвали. И вот однажды... (*Потирает руки*.) Приключился с ним казус. Произошло вот что. (*Берет шаль и повязывает ее на голове*.) Идет его экономка Зося за покупками, а навстречу ей я. Она мне: «Ты студент?» Я: «Что вы, я давно профессор!» Она: «Правда?» Я: «Еще бы!» «А профессора Королькевича случайно не знаете?» – «Я его не случайно, я его принципиально не знаю!» «Как так?» – «А вот так! Он хочет уйти из университета в лес. Жить в дупле и называться совою». Зося: «Да ну?» Я: «Уже сейчас профессор каждого, кто не обратится к нему «Здравствуйте, Ушастая сова!», увольняет». (*Многозначительная пауза*.) Наш разговор продолжался в характере вопросов и ответов. Я петушился все больше. Тут Зося всплескивает руками и произносит: «Здравствуйте, Ушастая сова!» Я несколько опешил. Потом оглядываюсь – профессор Королькевич стоит сзади и, не мигая, смотрит на нас. От этого взгляда я вмиг «протрезвел». А он спокойно говорит. Говорит куда-то в пространство: «Я считал Вас, Януш, очень способным студентом. И не ошибся. Полагал, что вы – серьезный человек, который прежде чем что-либо говорить, думает. Здесь я ошибся». Он повеселел и дружески потрепал меня по плечу: «Будет! Не переживайте. Просто я лишний раз убеждаюсь в непознаваемости жизни».

Богуслав. Он не обиделся?

Януш. Знаешь, что отличает истинно мудрого человека? То, что он дает себе отчет, чему следует уделять внимание, а чему нет.

Богуслав. Значит, не обиделся?

Януш. Смешно на жизнь обижаться.

Марьяля. Вы не пытались его успокоить?

Януш. Никогда ни перед кем не оправдываться – этому меня учили с детства. *(Поправляет волосы.)* Я сам так переживал! Надо же! Озорство, шутка. А для кого-то – удар по лицу. *(Богуславу.)* Нельзя над людьми смеяться. *(По-военному поправляет шаль.)* Никому из студентов впоследствии я не позволял в своем присутствии называть профессора Ушастой совой. До драки доходило. Правда... драться я никогда не умел...

Ружена. Но вы извинились перед ним?

Януш. Нет. Самолюбие!

Ружена. Зря. Надо было извиниться.

Богуслав *(горячо)*. Я бы тоже ни за что! Вот еще!

Януш *(вздыхает)*. Думаете, он не знал про мои терзания? *(Смотрит на Богуслава.)* Не нужны слова там, где они не нужны. А, в общем-то, ничего страшного не произошло. *(Пожимает плечами.)* Если не считать того, что я изменился. *(Хохочет.)* А бедную Зосю потом никак не могли убедить, что профессор жить в лесу не собирается! Вот какой у меня дар убеждения. Аплодисменты, господа!

Все аплодируют. Януш кланяется.

Богуслав *(смотрит на ноги Януша)*. Туфли добротные. Обувь!

Ружена. Сколько можно о еде? Надо терпеть – терпи. *(Быстро обернувшись к Янушу.)* А у вас какой размер?

Януш. Э-э-э...

Ружена. У меня есть одни ботиночки. Мы с вами почти одного роста, да? Или нет? *(Теряется.)* Я в них была, когда наш дом рухнул! Они обтерлись, каблука одного нет. Но починить можно! И под размер подогнуть при желании можно... И носить можно вполне!!! А ваши туфли можно выгодно продать и купить на вырученные деньги лепешек! Или... другой... какой-нибудь еды. А?

Януш *(тихо)*. Я сейчас.

Повязывается шалью, накидывает мешковатый плащ и уходит. Марьяля вздыхает ему вслед.

Ружена *(решительно)*. Вода нужна. Неэкономно мы сегодня.

Богуслав *(с готовностью)*. Я схожу!

Ружена *(деловито)*. Вместе пойдем. Больше принесем. Давай быстрее, надо успеть до комендантского часа.

Собираются, уходят. Марьяля остается одна. Сначала ложится на кровать. Затем вяло встает, садится за пианино, открывает крышку и молча смотрит на клавиши.

Кладет руки на клавиатуру.

Начинает звучать вторая часть «Лунной» сонаты Бетховена.

Входит немецкий офицер Рихард Вингерт. Слушает музыку.

Рихард Вингерт (тихо, четко). Гутентак.

Марья резко, как ужаленная, оборачивается. Вскикивает. Потрясенная, кивает в ответ на приветствие.

Рихард Вингерт величественно усаживается на лавку.

Рихард Вингерт. Позвольте сесть?

Марья послушно кивает.

Рихард Вингерт (после паузы). Так вы понимаете по-немецки?

Марья кивает головой.

*Рихард Вингерт (сняв фуражку и точным, быстрым движением пригладив волосы). **Вы любите Бетховена?***

Марья вновь кивает.

Рихард Вингерт. Если б вы знали, как я его люблю! (Марье.) Присаживайтесь!

Марья послушно садится на ящик перед пианино.

Рихард Вингерт. Моя мама слыла жуткой бетховеноманкой! Играть она не умела. Но обожала слушать! В детстве всегда брала меня с собой в концертный зал. Мне эти походы не доставляли удовольствия. Симфонии Бетховена...у-у.

Марья. Их всего девять.

Рихард Вингерт. И представьте, что все девять я знаю наизусть!

Марья (растерянно). Поздравляю...

Рихард Вингерт. О, нет, увольте! Я их знаю против своей воли. Что послужило для меня поводом возненавидеть их создателя.

Марья. Вы же только что говорили обратное!

Рихард Вингерт. Я противоречивый.

Марья. А я постоянная.

Рихард Вингерт. Похвально. Но другое ваше постоянство похвалить не могу.

Марья. А я не нуждаюсь ни в чьем одобрении! Я из простой семьи и горжусь этим! А то, что раньше скрывала это – постоянно! – так из глупости. Молодая! Зато теперь поумнела. И слава богу!

Рихард Вингерт (после паузы). Но все-таки вы неумно поступаете, когда так играете Бетховена!

Марья. Я, конечно, не виртуоз...

Рихард Вингерт. Я не об этом.

Рихард встает и подходит к пианино.

Рихард Вингерт. В 14-ю сонату вы вкладываете столько скорби. Особенно в первую часть!

Марья. Бетховен писал ее, когда...

Рихард Вингерт. Да-да. Несчастливая любовь. Глухота. Пренебрежение общества. Но, видите ли, какой парадокс... В его жизни не было несчастья вообще! «Лунная»... Четырнадцатую назвали «лунной» от непонимания. Или наоборот. Все мы, простые смертные, привыкли превращать пустячки в трагедии.

Марья. И наоборот.

Рихард Вингерт. Бетховен знал, что он великий. И искренне жалел людишек, прощая им их несовершенство. Согласитесь, это великое счастье, не слышать, как злословят у тебя за спиной.

Марья. И не слышать собственную музыку.

Рихард Вингерт. О! Для музыканта не слышать музыку – невысказано. Он слышит даже, когда не хочет. Потому что профессия плюс призвание – это уже патология. (Берет на клавиатуре аккорд.) Внутренний слух. Он определяет все. (Гладит рукой клавиатуру.) Счастливый Людвиг! Он слышал только то, что должен слышать.

Марья (вздыхая.) Но на личной жизни это сказалось не самым лучшим образом.

Рихард Вингерт. Ерунда! Какая-то девица его отвергла и – о, горе!

Марья (тихо.) Не какая-то. Любимая.

Рихард Вингерт. Вряд ли, если б Бетховен узнал эту даму получше, чувства его сохранились. Сколько бед постигло бы нашу планету, если б не звучало непреклонное «нет»! Что такое приземленная пустышка с атласной кожей? Пройдет время, и она увянет. Физическое влечение уйдет в небытие. (Пауза.) Поверьте, человек, в руках которого весь мир, выше любой бытовой драмы! Просто страдание – еще один повод для того, чтобы рука согрела рояль. Который потом согреет чье-то сердце.

Марья (задумчиво.) Страданием греть?

Рихард Вингерт. Пониманием. Веселость и благополучие тупит разум и сердце. Поэтому, что же вы так играете, словно это похоронный марш и процессия спускается в ад?

Марья. Конец сонаты я играю не так! Бурно. Свободно. Ярко!

Рихард Вингерт. Слушая вашу игру, до третьей части не доживешь – истлеешь от тоски. Что, Бетховен не знал, что переживет свое время? Он здесь. С нами, в каждой звучащей ноте. А те, несчастные, что не принимали его когда-то, сгинули навеки. От них не осталось ничего, кроме слова «заурядность». А он – избранный.

Марья. Не хотела бы я подобной участи.

Рихард Вингерт. Вам это и не грозит.

Марья. Да, мне грозит другое.

Рихард Вингерт внимательно смотрит на нее, затем надевает фуражку.

Рихард Вингерт. Вам известно, что каждый узнавший, где прячется еврей, обязан сдать его властям?

Марьяля. Да, герр офицер.

Рихард Вингерт. Известно, что ждет за сокрытие информации?

Марьяля. Да, герр офицер.

Рихард Вингерт. В таком случае продолжайте упражняться на рояле. (*Поморщившись.*) Только не делайте из Бетховена слизняка, которого хочется пожалеть.

Уходит четким военным шагом. Марьяля закрывает лицо руками. Входит Януш, вынимает из-под пальто сверток и кладет на стол.

Януш. Морковка! Мерзлая, правда, да ничего.

Януш обнимает Марьялю за плечи. Она разворачивается и рыдает у него на плече.

Януш. Ожила!

Входят Ружена с Богуславом, неся банки с водой.

Ружена (Богуславу). Я тебе сотню раз говорила: не умеешь ты воду наливать.

Богуслав. Никогда не думал, что этому нужно учиться.

Ружена. Тебе – да. Ты такой неук...

Януш. Неугомонный! Прямо беда с тобой! И когда только ты постареешь? Остепенишься. Растволстеешь, полысеешь. И начнешь изо всех сил стараться производить впечатление мудрого из мудрейших.

Богуслав. Я не доживу до этого светлого дня, если рядом со мной будет вот эта злая фея.

Ружена. Не волнуйся, всю жизнь с тобой возиться не собираюсь. После войны поставлю в скверике памятник. Себе. Где будут высечены буквы «За мужество и героизм в борьбе с противным мальчишкой».

Богуслав. Я всего на шесть лет младше тебя! Так какой же я...

Ружена. Что за намеки? Откуда ты знаешь, сколько мне лет? Какая наглость!

Богуслав. Ну вот. Что ни скажу, все не так! И почему в «борьбе»?

Ружена. Потому что языка дружбы ты не понимаешь. И...

Марьяля (перебивая). Ружена!

Ружена. И держать тебя следует в ежовых рукавицах. Мальчишка, мальчишка, мальчишка!

Януш. Сварим морковку?

Ружена (Богуславу). И не смей ставить свои мерзкие галоши возле моих сапожек!

Богуслав (задохнувшись). Ты будешь любить меня всю жизнь! Потому что я так хочу. Ты самая лучшая из всех, кого мне приходилось встречать. Прости, Марьяля. *(Пауза.)* Первым ребенком у тебя будет сын. И ты назовешь его в честь меня – Богуславом. Так когда-то сделала моя мать, и так сделаешь ты. А второй ребенок будет девочка! Она станет моей любимицей, И я сам научу ее накручивать на волосы эти штуки, которые накручиваешь ты. Я давно люблю тебя. С того самого дня, как увидел. А мы жили в одном доме больше десяти лет! Видишь, как давно? А твой бывший ухажер – дурак! Он тебя не стоит. Потому что ты достойна самого лучшего. А я – самый лучший! Надеюсь, у тебя было время в этом убедиться? Я достану тебе туфли. Только не сейчас. Сейчас – никак. Сейчас морковка слаще шоколада. *(Оборачивается.)* Спасибо, Януш. *(Смотрит на Ружену.)* Я не буду ставить галоши рядом с твоими сапогами.

Ружена (ошарашено.) Ставь... А то к Марьяле поставишь еще. А... мои сапожки привыкли.

Богуслав. Не буду тебя обманывать: ты не красивая.

Марьяля всплескивает руками и качает головой.

Богуслав. Ты милая!

Ружена. Так мне еще никто не делал предложения. Я согласна.

Богуслав (ошарашенно). А... В общем... Священника... нет.

Ружена (горячо). Мама у тебя такая строгая была! А брат, наоборот, веселый. Он бы одобрил твой выбор. Сразу скажу, готовить я не люблю, шить не умею. Но мужчины на меня обращают внимание. Значит, во мне что-то есть? Ведь правда? Иначе, зачем я, вообще, нужна... Жаль мой отец не дожил до такого счастливого дня, когда его любимица – я! – нашла, наконец-то вторую половину. Есть кому свою мудрость передать. Ты в ней нуждаешься! И мне помощь нужна. Дети доставляют столько хлопот! Я не могу не следить за собой; что делать, приучена с детства. Как хорошо, что есть тот, кто поможет! *(Смуцается.)* Я никогда не хотела учиться. Зачем? Место женщины дома. *(Поучительно.)* Управляться с хозяйством может далеко не каждый. Поверь, тебе со мной повезло. Дом – мое призвание. *(Улыбается.)* Никогда не хотела работать. Но – приходилось! То секретаршей, то... Такое впечатление, что секретаршизм изобрели, чтобы на свете появилась хоть какая-то женская специальность! Но она, как правило, плохо кормит. Зато выгодно подчеркивает женственность! Мужчину-секретаря вы днем с огнем не сыщите! *(Распаяясь все больше.)* Папа ничего не жалел для меня! Шелковые чулочки я стала носить одна из первых в классе. И моя дочурка тоже будет самой-самой! Недоразумение, что я не родилась в королевской семье... По внутреннему ощущению – я... Баронесса! *(Вздыхает.)* Я как взгляну на папу – он только «ах!» Так любил меня, что ни в чем не отказывал. Знаете, хорошо, что он не видит меня голодную, плохо одетую. *(Богуславу.)* У меня есть один знакомый священник.

Богуслав. Я пошутил.

Немая сцена.

Ружена застыла на месте. Януш покачал головой. Марьяля закрыла глаза. Богуслав развел руками. Ружена деловито садится за стол и наливает в банку только что принесенную воду. Марьяля делает попытку подойти к ней, но Януш ее останавливает.

Ружена (поднимая банку). За самого лучшего шутника на свете! *(Пьет, затем неистово хохочет.)*

Слышно, как Богуслав вздыхает.

Ружена. **Ой, ну что у вас лица, как... (Шепотом).** Как у немцев перед собственной гильотиной! *(Громко.)* Можно подумать, я расстроилась. Ой, сейчас скончаюсь от горя! Ой, какой кошмар!

Все молчат.

Ружена (Янушу.) **Вы** ведь недавно говорили, что истинно мудрый человек знает, чему следует уделять внимание, а чему нет. Так почему же вы все уверены, что я донельзя глупа? *(Хохочет.)* Смешные! Я столько пережила...

Богуслав. **А я бы обиделся, если бы со мной так поступили.**

Раздался гомерический хохот. Марьяля, закрыв лицо руками, повалилась на лавку. Януш, завывая по-женски, изыщным жестом вытер набежавшую от смеха слезу.

Богуслав. **А что я такого сказал?**

Новый взрыв хохота. Ружена подбежала к Богуславу и страстно поцеловала его. Богуслав по-детски обиженно отстранился от нее.

Богуслав. **Пан Вилга, вы же сами говорили, что над людьми нельзя смеяться.**

Януш (закатываясь от хохота). **Можно, дружок, можно. Мы же... смеемся...**

Ружена забирается на стол и начинает протяжно напевать мелодию темы первой части «Лунной» сонаты. Все, кроме нахохленного Богуслава, дружно подхватывают мелодию и поют стройным хором.

Слышится автоматная очередь. Четкая поступь солдатских сапог. Но обитатели жилища, не обращая внимания, продолжают петь и смеяться.

Неожиданно в жилище размеренным шагом входят немецкие солдаты и офицер Курт. Люди резко замерли.

Офицер Курт (в пространство.) **Вы арестованы.**

Марьяля в растерянности медленно поднимается с лавки. Януш по-детски учащенно хлопает ресницами. Богуслав, гордо вскинув голову, с вызовом смотрит на немцев. Ружена ахает от ужаса.

Занавес.

Действие третье.

1944 год. Варшава. Зима.

Картина десятая.

Подвал. На полу сидят узники, Их много. Среди них Марьяля и Януш, переодетый в женское платье, старушка в изысканной шляпке и лайковых перчатках, замотанный в тряпье молодой человек – тот самый еврейский юноша, украинский мальчик, девушка Каролина.

Стоит унылый гул. Каждый удрученно занят своим делом. Кто рассматривает свою одежду, кто разговаривает, кто попросту спит.

Каролина раскачивается из стороны в сторону, как маятник. Марьяля подсаживается к ней. Та не обращает на нее никакого внимания.

Марьяля (таинственно). **Каролина, а сколько тебе лет?**

Каролина (равнодушно). **Меньше, чем тебе.**

Марьяля (улыбаясь). **Это я вижу. Ну, а точнее? Мне можно сказать. Я ведь не мужчина.**

Каролина. **Какая теперь разница?**

Марьяля. **Просто любопытно.**

Каролина (не переставая раскачиваться). **Двадцать. А может восемнадцать. Теперь все равно. Убьют. Всех убьют. И тебя убьют, и его убьют, и меня...**

Марьяля (загадочно). **Как знать!**

Каролина. **Неделю тут сидим...**

Марьяля. **У нас как-то арестовали (кивает в сторону Януша) пани Янину. Выпустили через день! (Улыбается.) Полтора года тихо жили!**

Каролина. **Разве это жизнь? Голод! Мертвецы на улицах! И этот кошмар тянется так давно... (Закрывает лицо руками.) О-ой! Лучше бы убили сразу, чем так. Теперь-то я точно знаю цену смерти. Избавление...**

Марьяля (тихо). **Не всегда.**

Каролина. **Жить – это мучиться. Я не хочу мучиться. Но меня заставляют.**

Старушка. **Ничего, не далек тот час, когда не будут заставлять.**

Каролина. О-о-ей! Скорее бы... А все равно страшно! (Перестает раскачиваться.) Когда убивают – это больно. Боюсь боли. (Поворачивается к Марье.) Не хочу бояться!

Старушка (сдержанно). А кто хочет?

Каролина. А почему нам не говорят, когда нас убьют? (Страстно.) Не пошла бы тогда на рынок за хлебом, не попала бы в облаву! Как же я себя ненавижу, ненавижу! (Рвет на себе волосы.) Идиотка!

Марья (мягко). А парней у тебя много было?

Каролина (грубовато). А у тебя мало, что ли? Этого добра хватает всегда.

Марья (воодушевленно). Ну, а так, чтобы – ух! – всю душу на ладонь, а?

Каролина кисло пожимает плечами. *Старушка* многозначительно поправляет шляпку и с деланным равнодушием подсаживается чуть ближе. *Чистивший ногти Януш* поднимает голову.

Марья. Это – как сон! Вроде было и вроде не было. Дунул – и оно улетело, а сладостное чувство осталось.

Каролина. Не! Ничего подобного не знаю. (Фыркает.) Не заслужили они, чтобы я из-за них – ух!

Марья (радостно). Значит все впереди!

Каролина (сердито). Не!

Марья (не замечая сердитого фырканья). Представляешь, приходишь домой, а он неожиданно ждет тебя там с... э-э... конфетами, пирожными.

Украинский мальчик (звонко и требовательно). Исты хочу!

Старушка (степенно). Этот невыносимый украинский мальчишка, если бы ему дали волю, сварил бы нас всех в большом котле, съел и не поперхнулся.

Украинский мальчик (с вызовом). Зьил бы!

Старушка. Хам!

Украинский мальчик. Вылиталы орлы
З-за крутой горы,
Вылиталы, гуркоталы,
Роскоши шукалы.

Старушка (поморщившись). Сидел бы на своей территории, где русских полно, нет, к нам прется. Гайдамак!

Украинский мальчик (ничуть не смутившись, ткнул себя рукой). Ось!

Старушка. Русский выкормыш.

Марья (махнув рукой). Не буду больше о еде! (Воодушевленно.) Вот приходишь и видишь его. А он весь такой спокойный, сдержанный, а ты, наоборот, порхаешь как бабочка! И знаешь, что он придет, а – все равно сюрприз. Представляете? (Оглядывает всех.) И глупо все, и неумно. Но столько радости! (Смеется.) Жалеть буду... Ведь знаю, что буду! Бесполезно.

Старушка. Точно, деточка, точно.

Марьяля (почувствовав поддержку). А он, знаете, какой? (Собирается с духом.) Такой... он все делает неправильно.

Януш (тихо, усмехаясь). Если вы знаете жизнь, дайте мне свой адрес.

Марьяля. Я его не боюсь!

Старушка. Я тоже думала когда-то, что боюсь только мышей.

Марьяля. Придет, а нам и говорить не о чем.

Старушка. Точно, слова тут лишние.

Марьяля. Но все равно говорим!

Старушка (с жаром). Зря! Я вот тоже...

Марьяля (перебивает). Он постоянно вспоминает свою маму. Прямо, как маленький!

Януш (задумчиво). Детство – это свобода. Сел на ковер-самолет и улетел куда надо; надел шапку-невидимку – и никто больше не видит тебя.

Марьяля. Его мама очень красивая! Она не стеснялась своего сына и часто ходила перед ним обнаженная. Вот так! Считала, что не надо делать тайну там, где ее нет!
И не нужно искать ответы на естественные вопросы в подворотнях.

Каролина. Ужас!

Старушка. Ненормальная, право. (Шепотом.) В подворотнях ничего такого и нет.

Марьяля. Во Франции когда-то давно жил один поэт. Очень известный! Забыла его имя... (Горячо.) Он был своенравным и странным. Его никто-никто не понимал! И случилось так, что он нашел приют в объятиях падшей женщины. А потом невероятно к ней привязался! (Загадочно.) Как-то раз поэт решил привести падшую женщину в собор, где она никогда не была. Но, едва переступив порог, его возлюбленная принялась без конца оглядываться и хихикать. Она увидела на фресках обнаженные фигуры и нашла это стыдным. А красоту тел женщина не заметила...

Януш. Шарль Бодлер.

Марьяля. Что?

Януш. Этим поэтом был Шарль Бодлер.

Марьяля. Кажется да... Не помню.

Януш. Он написал знаменитые «Цветы зла».

Марьяля. Он не любит фотоснимков.

Януш. Бодлер?

Марьяля (смущенно). Нет, не Бодлер. (Быстро.) И карточки матери у него нет! А рассказывает скупое... Однажды упал с велосипеда! Расквасил нос и посадил себе синяк во всю щеку. Домой идти мать пугать? Она слишком впечатлительная натура. Он оставил записку «Я у

дяди...э-э... Марека. Меня не теряй». А сам жил у своего друга, пока ссадины не прошли. Вернулся потом.

Старушка. Да неужели она ничего не заподозрила?

Марьяля (махнув рукой). Сразу поняла, что мухлюет. Догадалась, где он прячется и даже почему.

Старушка. Нашла бы, привела домой и дала взбучку! Вот я своему...

Марьяля (перебивает). Не хотела его расстраивать.

Каролина. Ужас!

Марьяля. Когда он поехал воевать, она потеряла самообладание, рыдала, как сумасшедшая и все повторяла: «Я тебя переживу, я тебя переживу». Эшелон тронулся, провожающие побежали за вагонами. А она – нет. Так и осталась на одном месте. *(Улыбнулась.)* Он не видел. Он просто знал: она стоит и думает о нем. Она не такая, как все. *(Тихо, но горячо.)* Я буду хорошей матерью!

В подвал входят немецкий офицер Курт и солдаты. Все резко замолкают и встают. Офицер подходит к замотанному тряпьем юноше, хватает его за шиворот и сильно трясет. Затем срывает с его головы тряпье.

Курт (удовлетворенно). Еврей!

Повисла гнетущая, давящая тишина.

Юноша от отчаяния начинает по-детски хныкать. Немцев это забавляет, они похохатывают. Узники напряженно молчат, никак не реагируя.

Курт (наигранно). Утю-тю!

Юноша неожиданно принимает громко, со звериными нотками в голосе выть, чем приводит в экстаз немцев. Они хохочут еще сильнее. Офицер достает из кармана плитку шоколада и протягивает юноше, поглаживая при этом его по голове.

Юноша (по-козлиному трясая головой). Не надо... Не надо, не надо, не на-а-адо...

Курт распаковывает шоколад и буквально пихает юноше в рот дольки. Тот судорожно глотает. Немцы смеются.

Юноша в изнеможении опускается на колени и бьется головой об пол. Курт аплодирует, солдаты просто умирают со смеху.

Курт (брезгливо). Уберите! Ему не место среди людей.

Солдаты увлакивают юношу, который не перестает истошно кричать. Курт, грациозно развернувшись, гордо удаляется.

Узники облегченно вздыхают, начинают садиться. Украинский мальчик молниеносно встает на четвереньки и принимается ползать по полу, собирая крошки шоколада и живо запихивая их в рот.

Старушка (плача). Зачем я дожила до старости?

Януш (приободряющее). Ну-ну!

Старушка. Почему это случилось с нами?!

Януш. Не знаю...

Старушка (гордо). Я презираю немцев как нацию!

Каролина. Тише!

Старушка (зло). Они – исчадие ада!

Януш (спокойно). Обыкновенные. Как все.

Старушка (украинскому мальчику). Не ползай у меня под ногами!

Украинский мальчик (не обращая внимания). Цэ ландрын! Добре! (Глядя на старушку). Глодна як вилк?

Старушка надменно подняла вверх голову.

Януш. Я слышала, что вы жили когда-то во Львове?

Старушка. Да! У нас с мужем был свой особняк. Пока его не разорили красноармейцы. Теперь Львов под немцами. (Горестно.) Когда же это кончится?!

Януш. Есть начало. Стало быть есть и конец.

Старушка. Успокоила, пани, ничего не скажешь. А вы хорошо выглядите. Как вам это удается?

Януш. Я, конечно, польщена, но вы преувеличиваете.

Старушка. Нет-нет, что вы, что вы! Я знаю, что говорю.

Януш (грустно). Спасибо.

Старушка (всплакнув). А я высохла...

Януш (подхватив). И стала сладкая, как изюм!

Старушка (на одной ноге). Неужели я заслужила весь этот кошмар? (Страстно.) Наверное, мы разбудили дьявола! Поэтому солнце погасло! (Глаза зажигаются безумным огнем). Я буду молиться, чтобы всех немцев сожрала какая-нибудь страшная болезнь, чтоб они корчились в муках и умирали все до одного и не возрождались! (Горячо). От аномалий необходимо избавляться. Уничтожать. Только так. (Встает на колени).

Януш (поспешно). Не надо! Что вы, что вы...

Януш заботливо помогает старушке сесть.

Януш. Они обыкновенные. (Вздыхает). Видимо мы все долго заставляли их чувствовать себя в чем-то ущемленными. И, как всегда, нужен кто-то плохой, чтоб почувствовать себя хорошим. (Смотрит на старушку). Они делают так, потому что думают, что так будет лучше всем.

Старушка. Матка боска, да вы, пани, помешались? Что значит – «думают, что будет лучше»?

Януш (пожимает плечами). Вы же, когда кастрировали своих котов-любимцев, тоже делали это из добрых побуждений?

Старушка (изумленно). Как можно сравнивать! Люди и коты... И что? Кот должен тащиться на улицу за услугой, чтоб наплодилось потом множество беспризорных ублюдков, снующих то здесь, то там? Ни то, ни се! Как людям с этими разносчиками заразы жить? Да и коту же лучше! Один раз отмучается, зато потом счастлив на века.

Януш. Это он вам сам так сказал?

Старушка. Кто? Кот?! (Замирает на мгновение.) Издеваетесь, милейшая? Да если каждого спрашивать... Да и коты, слава богу, разговаривать не умеют.

Януш (тихо). Слава богу!

Старушка. И откуда вы знаете про моих котов? Вы подозрительная особа!

Марьяля с деланной непринужденностью начинает напевать мелодию фортепианной пьесы Бетховена «Ярость по поводу утерянного гроша».

Старушка с нескрываемым изумлением смотрит на нее.

Марьяля (поспешно). Слышите? Стреляют!

Все прислушиваются.

Каролина (плача). Стены сейчас на нас повалятся! Не хочу-у... (Всхлипывает.) Конец!

Януш (спокойно). Если есть то, у чего есть конец, значит, есть то, у чего конца нет.

Слышен взрыв. Крики. Стрельба.

Затемнение.

Занавес.

Картина одиннадцатая.

На край сцены выбегает Рихард. Он без фуражки.

Рихард Вингерт. Марьяля! Марьяля!

Марьяля выбегает и кидается ему на шею. Он страстно целует ее.

Марьяля. Что-то взорвалось... Мы все побежали... Каролину убили. Наша пани Янина стала перевязывать ее, но было уже поздно.

Рихард Вингерт целует Марьяле руки.

Марьяля. Где Богуслав с Руженой я не знаю. Кругом облавы...

Рихард Вингерт. Да, да.

Марьяля. Что теперь будет?

Рихард Вингерт. Мы отступаем.

Марья поднимает голову, смотрит в лицо Рихарда.

Рихард Вингерт (отстраненно). Возможно, в Польше жизнь постепенно наладится. И ты будешь в безопасности. (Властно). Никому, слышишь, никому не говори... (Резко замолчал и прижал к себе голову Марьи). Запоминай. В Швейцарии живет мой дядя. Адрес я написал тебе на листке. Постарайся добраться до него и продержаться, как можно дольше. (Быстро.) Пока все не образуется. (Размеренно.) Я могу мыслить на несколько ходов вперед, поэтому не исключаю собственный плен. Сколько продлится – неизвестно. Одно из двух: либо плен, либо смерть. Прятаться, скрываться я не собираюсь. Я присягал фюреру и буду верен ему до конца. Что ни говори, а он много сделал во благо немцев как нации. (Рассудительно.) Во-первых, оздоровил ее, ликвидировав всех сумасшедших, инвалидов. Разве он не прав? Сколько средств уходит на их содержание: продуктов, медикаментов! А их вполне можно было использовать для развития здоровых, способных дать полноценное потомство. (Твердо.) Я верен фюреру! Но он проиграл войну... Это очевидно. (Нежно.) Не плачь. Я солдат, я должен до конца пройти свой путь. (Улыбается.) Если дождешься – буду счастлив.

Марья. Я ждала тебя с того самого дня, как появилась на свет. И дождалась! И буду ждать. (Просто.) Ты ведь знаешь, что я люблю тебя?

Рихард Вингерт. Догадываюсь. (Тревожно.) Только не плачь! Тебе нельзя сейчас плакать!

Марья (всхлипывая). Не получается...

Рихард. Ай-я-ай! Такая большая девочка! Будешь хныкать, не расскажу тебе о своей первой любви.

Марья. И не надо, я буду ревновать. (Подняв голову.) Ты очень-очень любил ее? Больше чем меня? Она... (стыдливо опустила голову) была твоей первой... женщиной, да?

Рихард Вингерт. У-у-у! Куда нас занесло. (Иронично.) Она была моей учительницей.

Марья. Понятно. Хорошенькая, игривая.

Рихард Вингерт. Увы! Угрюмая. Некрасивая. Как топором вырубленная! Толстая к тому же.

Марья. Как же ты?..

Рихард Вингерт. Вот так. Она, когда к моему столу подходила, казалось, свою километровую грудь мне на голову клала. Дальше все просто – инстинкты! Меня в школу несло – у-ух! Ждал, когда же она наградит меня своим... бюстом.

Марья. Какая отвратительная субретка!

Рихард Вингерт. Что ты! Она замечательная! (Хохотнул.) Она, когда я глаза косил в причинное место, хлопала меня тетрадкой по носу, вот так – хрясь!

Марья (облегченно). Порядочная...

Рихард Вингерт. Угу. Но, я не я, если бы не добился своего. Заманил... в чашу, где и был «расстрелян». (Смеется.) Потом в течение целого года перемигивались с ней и больше всего боялись, чтобы никто не узнал. Да-а.

Марья. Сколько тебе лет было тогда?

Рихард Вингерт. Чертова дюжина.

Марьяля. Ужас!

Рихард Вингерт (спокойно). Если бы кто ценз вводил, когда можно любить, а когда нет. (Быстро.) Передашь дяде на словах, что мама не приедет, чтоб не ждал. Скажешь, что векселя отходят ему. Он поймет, о чем идет речь.

Марьяля. А если...

Рихард Вингерт. Он согласится, прагматизм победит. И поверит! О векселях больше никто не знает. (Быстро и твердо.) Если тебя арестуют поляки – скажи, что я заставил тебя вступить в связь со мной. Заставил! Это не отречение! Просто слова. Пойми, что тебе есть кого спасать в этом безумной мире. Пусть разум восторжествует. Если. Арестуют наши. (Погладил Марьялю по волосам.) Скажи, что ты моя невеста. Да, вот так, малышка. Только медведи ходят прямо. Честность – это понятие созданий в подгузниках.

Марьяля (плача). А вдруг все же приедет твоя мама, как она воспримет?

Рихард Вингерт. Мама погибла в концлагере. Ну, а теперь ты расскажи мне про свою первую любовь.

Марьяля. Это ты.

Рихард Вингерт. Ну-у-у!

Марьяля (резко). Это ты! Это правда! И честность – это понятие не только для грудничков. У меня тоже есть такое понятие. (Обнимает его.) Нечестно, что ты сейчас покидаешь меня. В такую минуту! Ты предаешь меня. Понимаешь? (Умоляюще.) Что будет с нами? Не уходи. Прошу тебя... Может еще власть и не сменится. (Спохватывается.) Господи, что я говорю! Тебе никак нельзя оставаться! Конечно, никак! Чем дальше ты будешь отсюда – тем лучше. За меня не беспокойся. Хорошо, что я взрослая девочка.

Рихард Вингерт (отстраняясь). Мне пора!

Марьяля (быстро). Я выучила стихи того поэта.

*Une faible lueur palpite a l'horizon
Et le vent glacial qui s'eleve redresse
Le feuillage des bois et les fleurs du gazon;
C'est l'aube! Tout renaît sous sa froide caresse.*

Рихард Вингерт (машинально). Поль Верлен.

Марьяля (робко). Значит, Януш ошибся.

Рихард страстно целует Марьялю. Она пытается цепляться за его китель, но он с силой убирает ее руки и, не оглядываясь, убеждает.

Марьяля (кричит истошно). Рихард!

Она бежит за ним.

Затемнение.

Картина двенадцатая.

Открывается занавес.

Роща.

Слышится свист, улюлюканье. На сцену выбегают несколько поляков с палками в руках: молодая женщина, крепкий старик и рослый парень, а еще старушка в изысканной шляпке и лайковых перчатках.

Старик. Здесь где-то. Я точно знаю здесь! (Оглядывается по сторонам.) Чудовище! Схоронилось, что не видно, не слышно, я вот тебе...

Женщина (тяжело дыша). Надо все внимательно осмотреть. Эта мразь не могла далеко уползти. (Показывает палку.) Этим я по ноге со всей силы заехала.

Старушка (степенно.) Никто не уйдет от возмездия!

Парень (лихо сплевывая). Уж это точно! Пришла пора ответ держать. Сейча-а-ас, фашистское отродье, поговорим. Милости прошу в мышеловку!

Старик (парню). Ты давно в отряде?

Парень. С самого первого дня! И оружие в гетто тоже я передавал. Теперь доведу дело до конца. Никто не уйдет, никто! Лично, лично... (хрипит)... шкуру снимать буду. Как долго я ждал этого момента! Спал и видел, как хватаю немца и (с наслаждением трясет головой) сдираю с него кожу. Ме-е-едленно, под во-о-опли. (Хохочет.) Думали, обойдется! Не-е-ет. (Сплевывает.) Янину со Збигневом на работы в Германию угнали. Йозефу (улыбается) ухо отрезали... За то, что не донес, где прячется беглый жид. Не убили. Для устрашения оставили. Чтобы... (улыбается) ходячим примером для других служил.

Женщина. Близко где-то. Вот чует мое сердце!

Старик. Там посмотри.

Женщина (тревожно). Вон, шевелится что-то! (Старику.) Иди с этой стороны.

Старушка пригибается к земле. Парень величественно поднимает палку. Женщина прячется за него. Старик стоит в напряжении. На сцене появляется Януш в женском платье, аккуратный, ухоженный, добродушный как всегда.

Старушка. Полно, пани, так добрых людей пугать! Идите сюда быстрее.

Януш послушно подходит.

Старушка. Фашиста ловим!

Януш. Да? А-а-а.

Женщина (остервенело). В наш дом, когда ворвались, все перетоптали. Бегонии стояли. Их – на пол. Белые цветочки у нас были и желтенькие, кремовые такие. Ходят по ним туда-сюда. Земля смешалась, черно-белая стала. Вдруг смотрю – полоски на этой мешанине какие-то появились, красивые, нежные. Я еще подумала: цветок, наверное, необычный. А потом присмотрелась повнимательнее – розовенькие ведь полоски! У соседей сыночка грудного сапогами раздавили...

Старушка. Дожила все же я до того момента, когда справедливость восторжествует!

Перень резко срывается с места, бежит за кулисы и за руку приволакивает Марылю. У нее разбит нос, разорвано платье.

Перень. Сучка фашистская, думала, отлежится. Шлюха немецкая!

Перень пинает со всей силы Марылю ногой. Она не кричит, а только закрывает руками живот.

Старушка. Знакомое лицо. Кто бы мог подумать, что могли так низко пасть!

Марыля (растерянно). Не надо... Я не пала. Так получилось. Не знаю почему... (По-детски.) **Меня нельзя бить.** (Хватает парня за край пиджака.) **Не бейте, пожалуйста! Мне больно очень. Не надо палкой.** (Женщине.) **Я беременная. Не бейте меня. Хотя бы по животу не бейте.**

Женщина (нарочно громко). А ребенком прикрываться не нужно!

Марыля (парню). Я есть хочу!

Перень отворачивается.

Старик. Жалко?!

Януш, потрясенный, подбегает к Марыле.

Януш. Марыля!

Марыля (обиженно). Скажи, чтобы они меня не били. (На ухо.) От тебя хлебом пахнет. Дай покушать!

Януш трясущимися руками вынимает сухарик и протягивает Марыле. Она с жадностью набрасывается на него.

Марыля (жуя). А еще есть? Нет? Ну, что же ты! (Показывает ему ногу.) Посмотри какой синяк!

Януш ошашаренно смотрит.

Марыля (На ухо Янушу). Он уже шевелится! (Улыбается.) Боюсь рожать!

Старик. Да вы что, рехнулись? (Марыле.) Может, теплого молочка тебе принести, а? И цветочков? На могилку даже не принесу! Немец тебе харчей таскал, а ты и рада была? Ах ты... Разжалобить, стерва, захотела? Паинькой прикинулась? Утю-тю! А когда с немцем почивала, на что надеялась?

Януш. Вы ничего не знаете! Ее заставляли! Чего не сделаешь ради собственного спасения...

Старик (кивает на живот). От немца?

Марыля, улыбаясь, кивает.

Януш. Да ни при чем она здесь! Если б по любви, тогда еще...

Старик (Марыле). А?

Марыля молчит.

Старик. А?!

Парень поворачивается лицом к Марыле.

Парень. А вот мы сейчас посмотрим, как немчишки устроены. Люди они или нет. Распотрошим и поглядим.

Парень улыбается и достает нож.

Старушка. За все в жизни нужно отвечать. *(Вздыхает.)* Такая молодая и уже – проститутка.

Женщина. Так каждого можно понять и простить. Конечно, когда немцы побежали, чего бы не посмирнеть?

Старик. Она родит фашистского уroda! Их надо давить, как появляются на свет!

Януш (в ужасе). Да вы что...

Парень (старуку). Держи ее покрепче. Резать свиню будем.

Януш со всей силы толкает парня.

Януш (Марыле). Беги! Найди Ружену и Богуслава. Они помогут.

Марыля убегает.

Старушка. Держите ее!

Парень со стариком побежали вслед за Марылей, но Януш резко преградил им путь. Парень грубо оттолкнул его. Тот вскочил на ноги.

Януш. Смотрите.

Януш быстро поднял платье и опустил.

Старик. Что делаешь, старая дура?

Старик вновь собрался было бежать вместе с парнем.

Януш. Я мужчина.

Парень. Чего?

Старик. Сдурела дура!

Януш. Я мужчина, господа. *(Твердо.)* Не желаете ли удостовериться? Я могу показать.

Старик. Знаем, что ты хочешь нам показать. Не стоит. У самих такое есть. Неинтересно.

Януш (поспешно). Я лечил немцев и брал с них за это деньги. Небольшую плату. Готов искупить свою вину.

Парень (в растерянности). Эк хватанул! «Искупить»! Что-то мне подсказывает вот здесь, что панночка – большая фантазерка. А я, ой, как не люблю, когда меня дурачат!

Януш. Никак нет! Говорю правду.

Старик. А зачем бабой-то нарядился?

Януш. Платье – тоже одежда.

Парень (Янушу). А, ну пойдем, посмотрим.

Уходят за кулисы.

Старушка (оживленно). Я узнала его, люди, узнала!

Женщина. Ну?

Старушка. Это – страшный человек! Это – оно! Правда-правда. Им даже заинтересовалась научная общественность. Даже в газетах мелькали сообщения о... вот этом. У него... (показывает на грудь.) А я еще сидела близко рядом с ним!

Парень я Янушем возвращаются.

Парень согласно кивает старику головой.

Старик. Ну дела!

Старушка (вдохновлено). Оно (ткнула пальцем в Януша) жило во Львове! Вело аморальный образ жизни! Было любовником доктора Айзенберга, который лечил его в детстве. Когда их позорная связь была раскрыта, доктор выехал вон из города! А это (вновь ткнула пальцем в Януша) упрямо продолжало жить там же. (Повернулась к парню). Это еще что! Его следует привлечь к ответу за растление малолетних. Оно совращало мальчиков. Я знаю! Оно прикидывалось девушкой и заманивало к себе неопытных юношей. (Пафосно.) А доктора Айзенберга (многозначительно взглянула на Януша) продолжало навещ...

Януш (твердо перебив). ...любить.

Женщина. Час от часу не легче! Эй, как вас там, правда?

Януш гордо поднял голову.

Парень. А я думаю, что это он за эту сучку заступается?

Женщина. И скольких немцев ты спас?

Януш (с достоинством). Не считал. Они, в основном, гнойной ангиной болели.

Парень. О-о, какие мы умные. Сейчас им не ангина страшна. Тебе, уродец, тоже.

Парень достает из кармана пистолет.

Парень. Фашистка убежала, но ты на это даже не рассчитывай.

Старик. Жил, как баба, умри хотя бы как мужик.

Парень. Правильно. (Зло.) Убежала все-таки!

Парень пнул со всей силы Януша по ноге.

Парень. Иди туда (показывает головой на деревья, вглубь сцены), извращенец!

Януш послушно идет.

Парень. Стоять! Повернись лицом!

Януш поворачивается.

Старик (с горьким презрением). Ни то, ни се! (Плюет с отвращением себе под ноги).

Януш (задумчиво). Когда-нибудь ученые дадут название этому явлению.

Парень щелкает пистолетом. Осечка.

Старик. Дай я! (Рассматривает пистолет). Игрушечный, что ли?

Парень. Сам ты...

Раздосадованный, он в остервенении швыряет пистолет на землю, хватая палку и начинает избивать Януша. Тот закрывает голову руками.

Женщина тоже закрывает руками свое лицо. Старушка плачет и отворачивается.

Старик, опомнившись, хватая палку. Они вместе с парнем уволакивают Януша за кулисы, откуда слышен лишь стук.

Звучит, словно откуда-то издалека, «Аве Мария» Бетховена. Красивый женский голос постепенно заполняет пространство.

Старик и парень возвращаются раскрасневшиеся. Отряхиваются.

Вскоре все уходят.

Пустая сцена. «Аве Мария» звучит в полный голос.

Постепенно музыка стихает. На сцене появляется Марья. Она еле идет.

Марья (тихонько). Януш! Януш!

Идет за кулисы, затем быстро возвращается. Садится пень.

Марья (мягко улыбаясь). Милый Януш! Я не оставлю тебя. Не смогу вырыть тебе могилку, земля ледяная. Но я укрою тебя ветками, и тебе будет тепло. (Начинает раскачиваться из стороны в сторону). А у меня хлебушек есть! Вот (достаёт из кармана маленький кусок и кладет на землю). Не буду есть. Это тебе! Так полагается.

Холодно!

Закрывает глаза и начинает дремать. Затемнение.

Картина тринадцатая.

Свет очерчивает угол сцены, на который выходят в расстегнутой шинели Рихард Вингерт.

Рихард Вингерт. Спасибо. Ты нас так накормила, а то мы все древесной корой питались.

Из-за его спины показались Ружена и Богуслав.

Ружена. Когда немцы ворвались в дом, они не били меня и не насиловали. Они поставили меня к стене и стреляли над головой короткими очередями. Каждый развлекается, как может. Я сначала сильно боялась, потом перестала. Головой немного тронулась. Вышла на улицу в комендантский час, и меня застрелил патруль.

Богуслав. Я хотел ее спасти. Но кто меня будет слушать? Патруль? Рта открыть не дали – убили тут же. Ты не подумай, Марья, что я хотел бросить Ружену! И в мыслях не было.

Только непослушная она. Как была такой, так и осталась. Все Януша искала, рассказать что-то ему хотела.

Появляется Януш. Единственный из всех, смотрит не в зал, а в сторону Марыли.

Януш (разводит руками). Тебе одиноко без нас?

Из-за спины Рихарда показываются Курт и еврейский мальчик, идущие в обнимку и дружески улыбающиеся.

Рихард (гордо). Мой лучший друг Курт! Здесь те, кого я любил, и те, кого я убил.

*Вновь из-за спины показываются люди, они разные, старые и молодые.
К Рихарду подбегает девочка, он подхватывает ее на руки.*

Рихард Вингерт. А это наша дочка!

Затемнение.

Картина четырнадцатая.

*Свет падает на пень, на котором сидит Марыля.
Она открывает глаза, смотрит вокруг опустошенным взглядом.*

Зависает тишина.

Марыля встает и замирает. Скорбно начинают звучать первые несколько тактов первой части «Лунной» сонаты Бетховена.

Музыка прерывается. Слышится автоматная очередь и скрежет идущего танка.

Выбегает украинский мальчик, орущий в победной истерике.

Мальчик. Москали!!! Москали-и!!! Мос-ка-ли-и-и!!!

Марыля плачет.

*Звучит голос трубы, исполняющий мелодию главной темы первой части «Лунной» сонаты.
Музыка заканчивается торжественно, протяжно, мажорным ладом.*

Занавес.

Конец.
